

УДК 94(0)"19"
ББК 63.3(0)6
П58

Попов, Григорий Германович.
П58 Поражения, которых могло не быть: эпоха мировых войн / Григорий Попов. – Москва : Алгоритм, 2016. – 496 с. – (Уроки истории).

ISBN 978-5-906861-39-9

В книге под необычным для традиционной историографии углом зрения освещаются, казалось бы, хорошо изученные этапы и события мировых войн XX века, а также малоизвестные операции.

Действительно ли мировой характер войны, начавшейся в 1914 году, был предрешен? Чем на самом деле объясняется провал войск вермахта под Москвой? Почему присоединение к Советскому Союзу Выборга в результате «зимней войны» не только не привело к усилению стратегических позиций СССР в Карелии, но и стало одной из весомых причин установления блокады Ленинграда? Чем обернулись ошибочные стратегические решения Рузвельта в войне на Тихом океане и что в итоге спасло Антигитлеровскую коалицию от катастрофы?

Предметом исследования Г.Г. Попова становятся не столько сами боевые действия, сколько связь между политикой, дипломатией, идеологией, экономикой и военной стратегией. Автор уверен, что исход крупных военных операций чаще всего был уже предрешен в тени кабинетов, где принимались верные либо роковые решения.

**УДК 94(0)"19"
ББК 63.3(0)6**

ISBN 978-5-906861-39-9

© Попов Г.Г., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

УРОКИ ИСТОРИИ

Попов Григорий Германович

**ПОРАЖЕНИЯ, КОТОРЫХ МОГЛО НЕ БЫТЬ
ЭПОХА МИРОВЫХ ВОЙН**

Редактор *Н.В. Мезина*

Художественный редактор *Б. Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.07.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906861-39-9

9 785906 861399 >

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-----------------------	---

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Война, которая могла стать локальной	13
Открытая Атлантика или Северное море?	34
Воевать — значит наступать. Жаркое лето в Галиции	47
Операция «Михель» и упущенные шансы Германии	65
В империю с «черного хода»	101

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Четыре месяца для французского Генштаба	132
Когда требовался оптимизм	152
Где Ваши стратегические резервы?	173
300 субмарин — и мы выиграем войну!	182
«Мне было больно смотреть, как он его уничтожает»	200
Всего лишь битва за пустыню?	239
План, который слишком часто меняли	264
Слишком неповоротливые	322
По одному снаряду на орудие в день!	334
Сотня танков в степи	381
«Война гуннов»	403
Заключение	433
Примечания	436
Список использованной литературы	477
Рецензии	492

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвящена наиболее драматическим вехам российской и мировой истории. При этом автор не претендует на высокую академическую значимость данной работы, рассматривая ее как научно-популярный труд. Поэтому читатель не найдет в тексте много ссылок, хотя ряд положений монографии основан на документах.

Работа названа «Поражения, которых могло не быть». Но мы не претендуем на истину в последней инстанции, когда говорим о причинах тех или иных крупных поражений эпохи мировых войн. Мы показываем основные тенденции, которые предшествовали тем или иным событиям. Мы уверены, что исход крупных военных операций чаще всего уже предreshen в тени кабинетов, где принимались верные либо роковые решения.

В начале 1990-х гг. российский книжный рынок был завален работами, посвященными истории Белого движения. Интерес к этой теме был связан с проблемой альтернативы коммунистической идее, под лозунгом чего произошла революция 1991 г. Тогда же была выдвинута идея, что 1917 год стал ошибкой в нашей истории, которая повлекла за собой сталинизм и вызванную им катастрофу лета 1941 г. Из этой концептуальной идеологической линии вытекало, что трагические события конца 1930 — начала 1941 г. были запрограммированы в 1917 г. Однако подробного анализа этой связи, кроме изучения идеологической подоплёки сталинской политики 1930-х гг., практически не проводилось. Российские историки еще тогда не были знакомы с аппаратом альтернативной истории, которая активно развивалась на Западе.

Историки, ставшие превозносить в нулевые годы Сталина, ушли в другую крайность. Опираясь на перегруженные

идеологией советские работы периода времен холодной войны, они начали доказывать, что рыночная система и демократия совершенно нежизнеспособны в условиях военной мобилизации 1939—1945 гг. И советское общество с его коллективизмом сумело победить сильнейшую в военном отношении систему — нацистскую Германию.

В связи с позитивной оценкой сталинской политики в эпоху нулевых годов возникает вполне логичный вопрос. Если построенная Сталиным и его окружением модель общественного устройства была такой эффективной, то почему нацистская Германия сумела за шесть лет создать мощнейшую в мире армию, когда Советский Союз, готовясь к войне со всем капиталистическим миром, пережил военные катастрофы 1941 — первой половины 1942 г.? И соответственно, вполне законен другой вопрос: почему западные демократии (к ним вполне справедливо можно отнести и кайзеровскую Германию) достаточно эффективно воевали и проводили мобилизации своих экономик в период Первой мировой войны?

Государство Сталина, как мы намерены показать в настоящей книге, было ненамного эффективнее западных демократий и нацистской Германии, с чисто экономической точки зрения. Даже французская военная промышленность периода «сидячей войны» была достаточно сильной в условиях демократии. Но проблема Франции во Второй мировой войне заключалась не в экономике, хотя серьезные хозяйственные проблемы, разумеется, у нее были, а в военной стратегии. То же самое касается Англии и США.

СССР в годы Великой Отечественной войны опирался на внешние ресурсы в не меньшей степени, чем его противники — нацистская Германия и ее союзники. Военное влияние западных союзников на Восточный фронт было недооценено в советской и российской историографиях. Причина проста — пониженный интерес российских историков к Западному фронту, который рассматривался в отечественной историографии как некое дополнение к Восточному фронту.

Советскими и российскими историками редко берется в расчет разгром фашистской Италии как одного из основных участников коалиции «Ось». Мы считаем крупные потери

Италии в 1940 — первом полугодии 1941 г. важной причиной кризиса «Оси» в 1943—1945 гг.

Долгое время в российской историографии было принято считать, что Сталин добился победы в Великой Отечественной войне большой кровью, что было среди либеральных историков главным аргументом критики сталинской военной политики. Однако историки часто сравнивают потери СССР с отдельно взятыми государствами, а не с потерями блоков. В этой связи урон, понесенный западными союзниками в годы Второй мировой войны, надо брать из расчета потерь всех участвовавших на стороне Лондона государств, включая в первую очередь Польшу. В таком случае мы выходим на огромные цифры потерь блока «Западные союзники», центром которого до зимы 1943 г. оставался Лондон, только после конференции в Касабланке (январь 1943 г.) американцы начнут доминировать в этом военно-политическом союзе.

В настоящей книге нас интересуют в первую очередь не сами боевые действия, которые достаточно хорошо описаны в ряде других работ, но связь между политикой, дипломатией, идеологией, экономикой и военной стратегией. Мы ограничиваемся описанием нескольких важных этапов истории мировых войн — анализ всего хода обоих глобальных конфликтов занял бы несколько томов. Мы намерены взглянуть на события с позиций возможных альтернатив.

Альтернативной историей в России научно стали заниматься экономисты и социологи, отреагировав на знаменитую работу Ричарда Фогеля о строительстве железных дорог в США в XIX в.¹ При всей спорности своих базовых положений упомянутый труд Р. Фогеля дал возможность посмотреть на историю как науку по-другому, как на живой предмет, дающий возможности для моделирования не только прошлого, но и будущего.

Уже более 20 лет назад в России была издана книга Э. Дуршмида «Победы, которых могло не быть», однако данный труд охватил достаточно обширный исторический интервал, при этом внимание автора сконцентрировано на отдельных сражениях. Мы уверены в этой связи, что победа южан при Геттесборге действительно могла состояться, но цена этой победы — огромные людские потери — не могли позволить ге-

нералу Ли развить успех, а экономическая блокада Юга лишила армию Конфедерации надежд на получение новых вооружений и обмундирования.

То же самое, что и о Гетесборге, можно сказать и про Ватерлоу. Как пишет Э. Дуршмидт, французскому сержанту не хватило пригоршни гвоздей, чтобы закрыть жерла нескольких британских орудий. Да, Наполеон Бонапарт мог победить, не спорим, однако, как показали кампании 1812, 1813 и 1814 гг., французы, даже добиваясь больших тактических успехов, терпели в итоге поражения. Британская экономика к 1811 г. заработала уже в полную мощь, однако ресурсы Франции к этому времени стали уже иссякать. Противники Франции научились воевать, русская армия была уже совсем не такой, как под Аустерлицем, а пруссаки, копируя опыт России и Испании, объявили в 1813 г. народную освободительную войну.

Нас интересуют в этой работе не сами сражения и их альтернативный ход, что достаточно хорошо изучено в историографии, но, главным образом, причины, почему эти сражения и войны, их породившие, произошли, имея именно тот ход, который мы знаем. Первая мировая война вполне могла не стать Первой мировой, а остаться в истории европейским конфликтом, который завершился бы к Рождеству 1914 г. после мирной конференции где-нибудь в Генуе или в нейтральном Стокгольме. Но в таком случае, вероятно, очаг нового конфликта появился бы на Востоке, и России пришлось бы столкнуться с японо-германским альянсом или же китайско-германским военным союзом.

В научной литературе до сих пор идет дискуссия о роли Сталина и большевистского режима в отражении нацистской агрессии. В одной частной беседе автору настоящих строк задали вопрос: «Представим себе, что главой СССР был бы в 1941 г. не Сталин, а М.С. Горбачев?» Ответить на этот вопрос можно так: лидер, подобный М.С. Горбачеву, не смог бы пробиться в ряды высшего руководства государства в 1920—1930-х гг. даже в условиях контроля Кремля группой Бухарина. Слишком мощная внутренняя и внешняя оппозиция диктовала свои условия отбора лидеров ВКПб. В 1970—1980-х гг. за «ядерным щитом» и в условиях почти полной подавленно-

сти внутренней оппозиции функционеры КПСС смогли позволить себе поворот к либерализму.

В одной из своих работ мы рассуждали о том, что было бы в случае прихода к власти в России в результате победы белых В. Колчака или же успеха бухаринской оппозиции в конце 1920-х гг. Элементарные расчеты, основанные на данных по тенденциям развития советской и западных экономик в первой половине прошлого века, привели нас к выводу, что белая альтернатива в случае агрессии нацистской Германии не имела шансов на победу во Второй мировой войне. Бухаринская альтернатива, как мы определили, была более прогрессивной с точки зрения возможностей подготовки к войне, но вооруженные силы СССР были при ней обречены на доктрину «оборончества», что в итоге могло привести к победе, но, скорее всего, такой, какую одержали западные союзники в 1918 г., то есть новый Версаль.

В свое время в исторической науке велись споры о роли западных союзников в разгроме нацистской Германии и в победе над кайзеровской Германией в 1918 г. В настоящей работе мы рассматриваем целый комплекс проблем, связанных с этим вопросом. 1918 год показал возможность западных союзников эффективно противостоять военной машине Германии без Восточного фронта. Почему то же самое не произошло в 1940 г.? Или почему высадка в Нормандии произошла так поздно, что было однозначно невыгодно США, поскольку роль освободителя Европы от фашизма досталась Советскому Союзу, а не амбициозному Ф. Рузвельту, который уже на встрече в Касабланке (январь 1943 г.) видел себя именно в качестве великого освободителя, а Сталина — лидером в своей тени, но все получилось наоборот.

Нашей целью в настоящей работе является показать социальные, экономические и политические факторы, которые привели к величайшим поражениям в Европе в эпоху мировых войн, и ответить на вопрос, что могло предотвратить эти поражения. Мы будем обращаться и к микросоциальным аспектам рассматриваемых в настоящем труде вопросов, образно говоря, «к пригоршне гвоздей, спасшей англичан при Ватерлоу». В книге мы будем нередко обращаться к биогра-

фиям отдельных личностей — как полководцев и политических лидеров, так и рядовых участников событий.

Основным географическим пространством, которому мы посвящаем главное внимание, является Европа, события в Азии мы затрагиваем только в контексте борьбы между европейскими державами. Мы также отдельно затрагиваем проблемы развития США в эпоху мировых войн. Много в книге сказано о Германии, мы опираемся на ряд ранее не опубликованных в России архивных документов германских ведомств, а также на не столь хорошо известную российскому читателю немецкую литературу по эпохе мировых войн. Нас могут упрекнуть в германоцентричном подходе к изучаемым в монографии проблемам. Но Германия — это государство, потерпевшее поражения в двух мировых войнах, и наша книга — о причинах поражений, а не побед.

Данная работа не является монографией только по контрфактической истории. Мы считаем, что слишком опрометчиво думать, что контрфактический анализ может помочь объяснить причины тех или иных событий и их хода, в исторические процессы часто вмешивается такой фактор, как случайное стечение обстоятельств, даже военные его учитывают при планировании операций. Случайности во многом таковыми не являются, если внимательнее их рассмотреть; мы сказали бы, что фактор случайности есть следствие тех процессов на микросоциальном уровне, которые часто выпадают из поля зрения исследователя.

Наша книга охватывает основные события Первой мировой и Второй мировой войн, а также процессы, на фоне которых происходили эти события. Мы также уделяем много внимания межвоенному периоду. Оба глобальных конфликта тесно связаны друг с другом, поэтому их целесообразнее, как мы думаем, рассматривать вместе.

Основной идеей работы является то, что глобальные конфликты прошлого века могли быть вполне предотвращены либо не допущены до таких огромных масштабов, если бы на уровне отдельных государств и Европы в целом имели бы место механизмы предотвращения вооруженных конфликтов. И дело далеко не в дипломатии, проблема заключалась в политических и военных доктринах. Конфликты в Европе мог-

ли стать быстротечными и не дойти до масштабов мировых войн, если бы государства обладали достаточной информацией о потенциальном противнике, впрочем, в таком случае до вооруженных столкновений дело, вероятно, не дошло бы.

В канун Первой мировой войны, как и в современной Европе, существует демократия, много левых в парламентах, сильные военно-политические коалиции государств, уверенность в техническом и моральном превосходстве над вероятным противником. Однако, как показали события в Югославии и на Украине, Европе еще далеко до совершенной системы безопасности.

В годы холодной войны бытовало мнение, что третьей мировой не случилось только в силу того, что был фактор ядерного сдерживания. В какой-то степени это так. Но история Второй мировой войны показала, что даже в условиях глобального конфликта стороны могут отказаться от применения ОМП, как это случилось с боевыми отравляющими веществами. Означает ли это, что любой экстремистский режим в нашей современности может быть источником нового крупного, пусть и не глобального, конфликта, обзаведись он хотя бы минимальным объемом ядерного оружия? Да, такое вполне возможно. Поэтому радикализация обществ третьего мира вполне может спровоцировать появление таких режимов. В этой связи изучение опыта мировых войн приобретает новую актуальность.

Как и много лет назад, общества крупных государств надеются на стратегические войска как на главный фактор успеха их вооруженных сил в возможных конфликтах. Войны в Ираке и в Афганистане немного умерили такие настроения. Однако конфликты второй половины XX — начала XXI в. показали, что даже в условиях демократии ориентированные на решение проблем силовыми методами политики могут легко манипулировать общественным мнением, подталкивая свои страны к выбору в пользу войны.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ВОЙНА, КОТОРАЯ МОГЛА СТАТЬ ЛОКАЛЬНОЙ

Десятки лет в школах и университетах России и многих других стран нас учили и продолжают учить молодые поколения, что Первая мировая война была неизбежна, старые империи уже изжили себя и шли к своей гибели, которая должна была сопровождаться агонией в форме великой войны.

Как много империй существовало в мире и Европе, и как много раз их распад либо значительное ослабление сопровождалось кризисом цивилизации? Распад Римской империи сопровождался появлением в Европе новых форм государственного устройства, более примитивных, чем государства античности. Кризис колониальной Французской империи в конце XVIII в. привел к Великой буржуазной революции, те же самые республиканцы взяли власть, как и в Англии за 150 лет до этого, они сформировали армию свободных граждан, которая от обороны быстро перешла к экспансии против консерваторов в лице нескольких европейских монархий, включая три континентальные империи. Поражение Наполеона привело к реставрации в Европе консервативных режимов.

Радикалы желали разрушать империи, консерваторы — их сохранять. Ни один из крупных конфликтов до Первой мировой войны не привел к распаду даже одной империи, иное произошло после 1914 года. Это означает, что до Первой мировой войны радикалы преимущественно проигрывали. Если мы опять обратимся к истории между Наполеоновскими войнами и выстрелами в Сараево, то увидим, что европейцы воевали между собой несколько раз после Ватерлоу (1815), однако это не привело к революциям в масштабах всей Европы, был низвергнут только Наполеон III, но Французская республика оказалась достаточно консервативной системой. Даже в

Италии — родине Гарибальди — установилась монархия, которая начала создавать колониальную империю.

Империям было слишком тесно, и им не хватало места, может, это есть причина Первой мировой войны? Едва ли. К 1914 г. немцы образовали столько колоний, что возник вопрос, как их удерживать и обустраивать. Простые немцы предпочитали просто иммигрировать в США или Аргентину, нежели осваивать дикие тропики и саванны Африки. Эпоха колониальных захватов уже заканчивалась, приговор ей вынес институт свободной международной миграции. Для англичан резервом для отправки иммигрантов оставалась плохо заселенная к началу XX века Канада.

Может быть, обострение противоречий между пролетариатом и капиталом стало истинной причиной мировой войны? Тоже неверно. Начинать войну в условиях роста социальной нестабильности было бы безумием для европейских монархий, которые всегда объединялись для борьбы с революциями, если хотя бы вспомнить, что подписание Портсмутского мира, положившего конец Русско-японской войне, было ускорено революционными событиями в России. Вильгельм II к 1914 г. наладил отношения имперской бюрократии с умеренными социалистами, те же шаги, только очень неуклюже, предпринимал Николай II в отношении российских социалистов.

Большевистская версия тех событий гласила, что главную роль в разжигании войны сыграли интересы крупного капитала. С этим тоже трудно согласиться. К 1914 г. европейские финансово-промышленные группы были настолько интернационализированы и зависимы от трансграничного движения капиталов, что глобальная война могла привести к экономическому кризису таких масштабов, который был в состоянии разрушить все построенные с таким трудом рыночные системы, что в итоге и произошло в России. Выигрыш от военных заказов уничтожался потерями от войны, включая призыв на фронт рабочих и уход с рынков тех стран, с которыми приходилось воевать, к этому надо добавить инвестиции в специфические активы, которые невозможно было реализовать после войны, а также стоило бы упомянуть об ускорении амортизации.

Причины Первой мировой войны те же самые, что и в остальных войнах, — амбиции политиков и генералов, для ограничения которых в европейских странах не было институциональной защиты, в частности армии не были подконтрольны обществам. Впрочем, у этого глобального конфликта была важная особенность — мы не видим той важной компоненты ряда других крупных конфликтов в Европе — борьбы революционеров с консерваторами, так как социалисты на Западе поддерживали в 1914 г. свои правительства. Если в начале Наполеоновских войн революционно настроенные интеллектуалы в государствах Германии поддерживали Наполеона, то в 1914 г. мы наблюдаем обратное.

Германию после Первой мировой войны обозначили в западной и российской историографиях как оплот консерватизма и юнкерской реакции, последняя и стала якобы источником глобального конфликта. Однако юнкерам как раз не были выгодны проекты строительства колониальной империи, поддержанные Вильгельмом II, и конфликт с Британией, которая была основным рынком сбыта немецкой сельскохозяйственной продукции. Та самая «юнкерская реакция» и настояла на знаменитом совете в Спа на отречении Вильгельма II. Германская империя, учтем важный аспект, к 1914 г. была конституционной монархией с правом всеобщего голосования на выборах в рейхстаг, за исключением женщин (в Британии до 1918 г. действовал жесткий имущественный ценз). В отличие от Германии, ее главный противник на Востоке — Россия — обладал гораздо более консервативной моделью общественного устройства.

Германия была почти единственной страной в Европе, которая была готова экспортировать капитал в страны Ближнего Востока и Османскую империю, не требуя от их народов ограничения собственного суверенитета. Оккупация Ирана Россией и Британией в 1907 г. показала, что многие европейцы готовы продолжать следовать модели отношений с мусульманами по принципу «победитель всегда прав». Кайзеровская Германия стала практически единственным государством Европы, которое официально осуществляло программу возрождения культуры евреев, признав тем самым их

полноправными гражданами. Именно в Германии были проведены знаменитые социальные реформы Бисмарка, давшие начала пенсиям по старости и инвалидности, всеобщему бюджетному здравоохранению, государственному среднему образованию. На фоне всего этого противники Германии в Первой мировой войне выглядят консервативными режимами с их приоритетом свободы рыночных отношений, или фактически одной из форм социального дарвинизма.

Германии не повезло с альянсами. Италия перешла на сторону Антанты. Австро-Венгрия имела слабую армию и множество внутренних проблем, около 10% населения этого государства составляли немцы, что создавало известные сложности с формированием внутренней политики во время войны. Османская империя была, как известно, «больным человеком Европы». Единственным крупным эффектом от вступления Турции в войну на стороне государств Центра стало то, что для России оказался перекрыт выход в Средиземное море, что значительно подрывало ее экономику. Болгарию следует рассматривать как номинального союзника Германии.

Австро-Венгрия была еще и слабым в военном отношении союзником, потому что соглашение 1867 г. Габсбургов с венгерской аристократией определяло, что вклад Венгрии в оборону империи должен был составлять заметно меньше, чем для немецкоязычных провинций. Только в 1912 г. Вена смогла пойти на радикальное увеличение военного бюджета, который в 1911 г. был почти в 2,8 раза меньше, чем у Германии, и примерно в 2,2 раза ниже, чем у России².

В 1912 г. Вена потратила на постройку флота 150 млн крон, или почти пятую часть военного бюджета империи. При таком финансировании вооруженных сил Австро-Венгрия могла ежегодно призывать на срочную службу 100—130 тыс. человек. В 1912 г. были призваны 181 тыс. человек, но было уже поздно, армия имела слабый людской потенциал и состояла к лету 1914 г. из 48 дивизий, слабо оснащенных артиллерией и пулеметами.

В канун Великой войны Вена развернула в Галиции 11 кавалерийских дивизий, которые должны были прикрывать развертывание резервных пехотных дивизий. Однако на Украин-

не Санкт-Петербург держал 36 кавалерийских дивизий. Австрийцы были тем не менее убеждены в своем превосходстве над своим восточным противником. Австрийский Генштаб был вдохновлен на проект большой войны неудачей сербов в Боснии в 1909 г., Россия тогда ограничилась дипломатическим вмешательством из-за позиции Франции, не ставшей поддерживать Николая II. Тем не менее к 20 июля 1914 г. Конрад фон Хетцендорф понимал, что конфликт с Россией невозможно избежать в случае агрессии против Сербии, но 25 июля он все-таки отдал приказ только о частичной мобилизации против сербов³, хотя 29 июля он сказал императору, что Австрия находится на грани войны с Россией⁴, и это — загадка, требующая глубокого анализа тех событий.

Можно ли было избежать войны в 1914 г.? Как признавался во время Первой мировой войны сам канцлер Германии Бетман Хольвег, такая возможность была. Как вспоминал Б. Хольвег, 5 июля 1914 г. Вильгельм II вызвал его в Потсдам для консультаций, в ходе которых объяснил, что новый балканский кризис не должен перерасти в крупную войну, но в то же время Германия не бросит в беде Австро-Венгрию. По сути, кайзер поставил перед кабинетом министров две взаимоисключающие задачи в случае, если Санкт-Петербург собирался решительно противостоять Вене.

Как часто случалось, Вильгельм II передал право принимать судьбоносные решения своим военным, которые в тот же день, 5 июля 1914 г., после совещания пришли к заключению, что Россия не вмешается в конфликт, поэтому можно смело послать германские контингенты на Балканы. Однако, как добавил во время того судьбоносного совещания начальник Генерального штаба Мольтке, Австрия едва ли решится на войну, в чем его убедил канцлер.

6 июля 1914 г. утром Б. Хольвег дал заверения австрийскому послу, что Германия поддержит Австро-Венгрию в сложной ситуации в ее конфликте с Сербией и Германия считает, что Вена имеет в этом вопросе полную свободу действий. Хольвег не сказал ни слова австрийскому послу о войне и военной помощи Вене, но тот понял все по-своему, передав домой сооб-